

Данил Казаков

Как потратить миллион

Как потратила огромный
выигрыш обычная семья

Данил Казаков

Как потратить миллион рублей

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Казаков Д. В.

Как потратить миллион рублей / Д. В. Казаков — «ЛитРес:
Самиздат», 2011

Выиграв миллион рублей, семья купила дочери квартиру, а остальные деньги потратила на выпивку, на сладости, на покупку белья и одежды. К ним приходило много знакомых и незнакомых гостей, жалуясь на свою бедность, они выпрашивали у хозяйки деньги. Скучая, хозяйка в шутку вызвала полицию, заплатив за ложный вызов 500 рублей.

Содержание

В доме Ольги	7
Выигрыш	9
Большие деньги	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Старики Паша и Маша сосредоточенно считают деньги. Плешивая голова Паши склонилась над столом, а хозяйка дома, в неизменном белом платочке, шевелит толстыми губами, припоминая счёт. Паша для точного счёта кладёт купюры их ладони на скатерть, подравнивает стопочку и называет сумму громким шёпотом.

– 1850 рублей, – подводит он итог и смотрит на почтальонку, худенькую девчушку, смотрит на кошку, прыгнувшую на диван, на старуху, пересчитывающую свою пенсию. Она получала на 445 рублей меньше мужа, что давало ему повод каждый раз небрежно напоминать.

– Пенсия то с гулькин нос, а тоже ведь, считает, считает. Ты в следующий раз, Ольга, – старик шутливо пододвинулся к девчушке, вроде бы так же шутливо хлопнул её по худому колену. – принеси ей пенсию одними бесятами. То-то моя старуха обрадуется, подумает, что пенсию ей прибавили, раз бумажек много принесли.

Ольга, уловив юмор, улыбнулась, но встретив сердитый взгляд старухи, погасила улыбку, стала рыться в своей объёмистой сумке.

– Я, поди, понимаю, – сердито бросила Маша и стала пересчитывать снова. Беззвучно шевелились её полные губы. Сама старуха не умещалась на стуле, словно гора нависла над деньгами. Мерно стучали ходики, по ковру с оленятами скользил луч солнца, полосатые ковровые дорожки тянулись от окон до белой, тёплой печи. Сквозь прозрачный тюль краснела герань, зеленел алой. Старику надоело сидеть. От нечего делать от глянул на люстру с матовыми стёклами, пододвинул стул ближе к столу и наступил своей тапочкой почтальонке на ногу. Та поморщилась, выдернула ногу, встала.

– Всё точно, – старуха закончила считать, – а мелкие деньги ты ему неси, дольше не пропёт. А то, сколько бы не дала ему, в магазин когда пошлю – всё ровно сдачи нет.

Паша, словно это его не касалось, смотрел в окно, где с карниза срывались прозрачные капли талого снега. Девчушка суетливо снова присела, достала из сумки мятый лотерейный билет, положила на стол.

– Вот! Возьмите, самый последний, самый счастливый! Квартиры, машины, до миллиона рублей выигрывают. И стоит всего 50 рублей, – голос её постепенно затихал. Ольга покраснела, словно предложила нечто не приличное, стариков обижающее. Билет сиротливо лежал на столе, на него с неприязнью смотрели хозяева и почтальонка.

– Что ты? Что ты? – замахали старики руками, – откуда мы такие деньги найдём? Сами с копейки на копейку перебиваемся.

Ольгу, мать-одиночку, из семьи пьющих родителей, старики считали себя вправе жалеть её. Ругать её отца, мать, сына, брата, сестру, бывшего мужа, свекровь, допустивших её до такой бедности, но ни в коем случае не рисковать своим благополучием, не делать пустых покупок. Они усмотрели в её предложении покушение не только на свои деньги, но и подозрение на свои умственные способности. Разве они дураки, чтоб швырять деньги куда попало и надеяться на призрачное счастье.

– Нет, – махнул рукой дед.

– Я знаю, что тебя заставляют продавать, – показала свою осведомлённость старуха, – но нам билет не нужен.

Лотерейный билет у Ольги случайно завалялся. Она позабыла его вовремя сдать и теперь, в последний день перед розыгрышем предлагала его в каждом доме. И везде отказывались. Соседи, Галя с Алёшей и трое их ребят-школьников только посмеялись, доказывая почтальонке, что билеты выигрывают очень редко. Инвалид, Игорь, высокий и худой, стал объяснять ей, что если бы билеты часто выигрывали, то государству это стало бы не выгодно и оно перестало бы их выпускать. Вся улица знала, что Ольга не может продать билет. И если ни кто билета не возьмёт, то Ольге придётся оставить его у себя. И уже каждый ждал, когда почтальонка предложит ему билет, а он, не будь дураком, гордо откажется. Билеты покупают только

глупые люди, вроде Ольги, те, что рожают от пьяниц, ютятся всемером в одной комнатухе, одним словом – непутёвые.

В доме Ольги

– Непутёвая! – шумела вечером Нюрка, мать Ольги, – сдай ты этот билет обратно!

– Не возьмут уже, – призналась Ольга и забилась в кресло. Кресло стояло у умывальника, вплотную к шкафу, и в нём можно было хоть немного отгородиться от семьи. Мишка, трёх-летний сын Ольги, выдвинул на середину комнаты два стула, натянул поверх одеяло и теперь это у него машина и крепость – всё вместе.

Он тоже, как и мать худенький, белоголовый, тоже хочет отгородиться от семьи. Забрался во внутрь, сидит, слушает, мечтает. Вот бы мамка не грустила, да папка непил, да бабка не ругалась. Нюрка собрала со стола старые, грязные газеты, служившие вместо скатерти, кинула их в печь, перед которой ползает худой мужик, пытаясь растопить её. Он отчаянно дует в поддувало, серые волосы свисают у него со лба, волочатся по полу, серая рубашка расстегнулась, цепляется за остриё железного листа, прибитого перед печью. Сырые дрова плохо горят. Мужик то открывает трубу пошире, то прикрывает её – печь дымит.

– Валька опять сырые дрова занесла! – негодует глава семейства, – вот печь и не топиться.

– При чём тут Валька? – заступает за дочь Нюрка, – у нас одни сырые дрова, сухих нет.

– И с такими должна топиться, – с дивана встаёт Санька. Он среднего роста, худощавый, с маленькими, невзрачными глазами, худыми губами и веснушками, густо облепившими его тонкий нос. Он старший брат Ольги. Сырые дрова – упрёк ему, а Саньке не хочется считать себя виноватым. – Вот, почему дымит? Не должна дымить. За квартиру платим – платим, а ни кто не идёт к нам ремонта делать.

Виновный найден, и Нюрка привычно сетует, что в который уже год пишут они заявления, а им всё ни как не могут ни печь отремонтировать, ни крышу починить.

– Да, платим, – соглашается с пола Вовка, – а ни черта не делают, всё сами и сами.

Печь, наконец, растопилась, дыма идёт меньше. Можно открыть форточку, привычно поругать дочь, начальство, поесть картошки, посмотреть телевизор. Мишкину „машину“, разобрали, подсели к столу, ели медленно, выло, поочерёдно макая в солонку куском картошки, запивая чаем. Санька нашёл ещё головку репчатого лука, раздавил её руками, смачно чавкал. Нюрка соскребала с тарелки засохшую кашу. После ужина Санька развалился на новом диване, купленном на его деньги. Отец и мать приютились на старом, стоящем у стены. Между ними шумел телевизор. Валька забралась на печь, дожёвывала там кусок хлеба. Ольга тоже примостилась на печь, прижала к себе сына, тот приберёт со стола картошку, дал её матери. Ольга, чувствуя свою вину, за столом ела мало и теперь, горько усмехнувшись, ела припасённую еду.

– Ни кто у неё билет не берёт, – жаловался Вовка сыну.

– Да кому он нужен! – не отставала и Нюрка.

– Так ей и надо, – буркнул Санька, удобнее устраиваясь смотреть телевизор. Показывали боевик, там за кем то гнались, стреляли, а тут, в тепле и безопасности приятно было ощущать себя причастным к большим событиям.

– Так с семьи же идёт, с семьи тянет! – повысила голос мать, не довольная равнодушием сына, – нас же раздевает! А теперь пропал билет...

Спорить Ольге не хотелось, устала. На себя и сына Мишку денег она вполне зарабатывает; она не пьёт, как мать с отцом, не курит. Жить бы отдельно, не видеть этой дырявой линялой занавески, вытертого до белизны пола, стола со старой, порванной по углам, клеёнкой, синих, полосатых, местами отклеившихся обоев. Но куда идти? Свекровь, хоть и не плохая и внука любит, да сынок её тоже часто пьёт и руки распускает. А дома жить можно. Мишка вырастет – мать защитит, вон и сейчас уже заботится. Про билет скоро забудут, завтра розыгрыш. Как бы завтрашний день прожить, а потом все будут забывать о несчастном билете.

На печке тепло, пахнет ромашкой и пижмой. Жёлтые мелкие головки пижмы подвешены у трубы, пучок ромашки свешивается с перекладины у изголовья. Травы насобирала Ольга летом от тараканов. И теперь красота – ну мучают больше противные. На печке тепло, хотя тесно. По углам лоскутьями свисают обои, крошится мох в пазах. На досках спать жёстко, старый прохудившийся матрас давно пора сменить. Вместо подушки Ольга подкладывает себе свою старую зимнюю курточку. Купить бы новое, да родные против, денег нет, а когда и есть – так лучше пропьют, чем вещь купят. А будешь спорить, подсчитывать свою долю в семейном бюджете, то живо подсчитают тебе и свет, и дрова, и картошку, что сама садила, а то возьмут и „квартирные„, раза в три больше той суммы, которую сами платят. Ольга получает больше матери (та работает няней в садике), больше, чем отец и брат, работающие разнорабочими на стройке.

Пусть и притесняют Ольгу в семье, зато рядом подрастает Мишка, пухлощёкий сынок с умными серыми глазами. Кажется, парень пошёл не в их породу, не в Светлаковых – инертных пустомелей. И не в Ваньку, отца, смелого и умного только на словах и против слабых. Мишка похож на свекровь, Егоровну. Та баба работающая, справедливая. Ни разу, за все годы Ольгиного житья с её сыном, не услышала невестка ни слова упрёка. Егоровна работает кассиром в магазине, у неё всегда улыбка на лице, умные карие глаза смотрят доброжелательно. Мишка в неё пошёл, тоже добрый.

– Доброе утро, мамочка, – а сам ещё глаз не открыл, по руке гладит.

Выигрыш

Суббота – день спокойный. Мишку в садик не отводить, дома проболтается, чем ни будь покормят, лишь бы к колодцу не подходил, за ворота не выбегал, да на глаза Саньке не попался. Братец, человек не злой, но мешает ему племянник, ущемляет в материальном отношении.

В субботу Ольга зайдёт в магазин, где работает Егоровна, купит чего ни будь. А уж бывшая свекровь заметит, сама большой пакет с продуктами нагрузит, в счёт алиментов Ванькиных даст.

– Как Мишка? – спросит мимоходом, – не болеет? Нет, вот и хорошо. Я в садик загляну потом, к вам уж не поёду.

Дома Нюрка опростает пакет с недовольным видом: то сладкого мало положила, то мясного совсем нет. Но, всё же пакет этот целиком Мишкин пай и хоть в субботу не скажут, что ребёнка трудно прокормить. В субботу Ольга старается разнести газеты побыстрее, взять пакет и домой, в баню.

Сегодня стал отбивать чек на молоко и замерла, остановилась: по телевизору, установленному в магазине как раз передавали номер лотерейного билета, выигравшего самую крупную сумму денег – миллион.!

Номер, своего сейчас билета, Ольга специально не запоминала. Всё же робкая надежда на удачу заставила её разок взглянуть и цифры чётко отпечатались в голове. Номер её билета передали! Она то предполагала, узнав результаты, тут же билет выбросить, пусть не напоминает об её неудаче. А тут все цифры сходятся! Что же делать? Удача выпала, да как этой удачей воспользоваться? Егоровна пакет подаёт, о внуке спрашивает. А зачем Ольге пакет – она сейчас весь магазин скупить может. А только сможет ли? Правильно ли циферки запомнила? Правильно ли их расслышала? Не ошиблась ли? Не перепутала? Не потеряла ли билет? Нервный холодок прошёлся по спине, ватными стали ноги.

– Ой, Егоровна, худо мне, – пожаловалась бывшей свекрови. А кому ещё жаловаться? С кем посоветоваться? Родные у неё билет отберут, станут друг от друга прятать, потеряют. И Егоровне довериться тоже опасно – человек не ангел, обхитрить может.

– Что случилось? – забеспокоилась та, провела в подсобку.

– Билет выиграла, – нашла в себе силы улыбнуться Ольга, – вот и растерялась. На самый большой выигрыш, на миллион!

– Да ты чё!? – изумилась Егоровна, мигом подалась назад, с недоверием глянула на невестку, на её радостную, смущённую улыбку. – Правда, что ли? Ты, главное, билет не потеряй и никому ничего не говори, особенно своим. Твоё Санька, как и мой Ванька живенько его на бутылку сменяют. Такие билеты долго проверяют, его, наверно, надо в банк нести. А может его послать куда то надо? Подожди, я в понедельник всё узнаю и позвоню тебе, ты только билет не потеряй. Может хоть квартиру купишь, не для моего оболтуса – для себя и Мишки.

Как в тумане дошла Ольга до почты, положила сумку на место, крадучись переложив лотерейный билет в рукавицу, чтоб всё время его чувствовать, зная, что не потеряла, не выронила. Дома, пока мать пакетом занималась, сумела спрятать его в карман своего старого, серого плаща. Плащ висит в чуланке, карманы у него глубокие, целые, не потеряется.

– Продала ли билет? – снова беспокоится отец.

– Конечно, Егоровна взяла.

– А деньги? – радостно вскрикивает Санька, – давай сюда!

– Нету, я же его не покупала, распространяла только.

– Вот и ладно, – соглашается мать, – успокаивая Саньку по плечу, – с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– А Ванька хоть бы раз сюда пришёл, – сердится Вовка, – из уважения хоть бы бутылочку когда принёс, с устатку выпить.

– Жди от него, как же, дождёшься, – ворчала Нюрка, выбирая себе яблоко покрупнее и покраснее.

Им всё время надо было кого то ругать: правительство, соседей, знакомых, ЖКО, друг друга. Надо, чтоб кто то был виноват перед ними.

Воскресенье прошло у Ольги под знаком «чемоданного настроения». Она прощалась со своим прошлым, готовилась к новому, неизвестному, но непременно хорошему, лучшему. Всё плохое, что ей раньше не нравилось в семье, сейчас радовало её: ведь от так многого плохого она откажется, что не будет мешать ей в будущем. Так радуется работник проделанной работе, уставший путник пройденному пути. Ольгу уже не волновала дымящаяся печь, рваные обои, громкая музыка по телевизору, давно не крашенный пол и пьяные застолья родителей. Пить они начали с вечера после бани (Санька где то достал три бутылок водки) и до позднего вечера в воскресенье.

– Своё пьём, – покачиваясь, оправдывалась Нюрка.

– С устатку, после бани, можно, – вторил ей Вовка. Санька повторял слова отца и матери и в сотый раз принимался рассказывать, как он нашёл деньги на спиртное. – Все идут, ни кто не замечает, а железка из-под снега высунулась, только подойди, возьми, отнеси, сдай. А все идут, не замечают!

Санька заметил, пурхался в снегу, откапывал железо, тащил волоком до приёмного пункта. Теперь сидит довольный, воображает себя сильным, смелым, сообразительным. Три бутылки водки взял, да пива полтарашку, да у матери гуща от браги нашлась – вот и отметили выходные, не пропали даром свободные от работы дни. Валька с Мишкой сидят на печке, стараются не попасть пьяным на глаза. В противном случае им обеспечена нудная лекция о не послушных, не благодарных детях и о добрых, заботливых родителях. Всей троице хотелось чувствовать себя героями. Они не замечали ни убогости обстановки, ни скудости своей закуски. Своя речь, свои размышления казались им умными, деловыми, нужными.

Успех и удача одинаково действуют на человека. Хотя успех, это итог многолетнего труда, многих проб и ошибок, а удача приходит вслепую, как лотерейный билет. Удача, это шанс на успех. Ольга, осознав свою удачу, придавала ей черты успеха. Она выиграла билет не случайно, а благодаря страстному своему желанию. Провидение увидело, как ей тяжело живётся и решило помочь. Если судьба выделила её среди других людей, значит она на самом деле лучше их. Ольга изменилась: походка её стала уверенней, глаза снисходительно смотрели на окружающих, губы загадочно улыбались. Она всерьёз задумывалась, работать ли ей по-прежнему почтальонкой, когда она, в скором времени получит сумму, превышающую её десятилетнюю зарплату. Даже от Егоровны отмахивалась, как от назойливой мухи. Квартиру она непременно купит, сама знает, не маленькая. И языком болтать не будет, и родным деньги не доверит, те их живо пропьют, хотя мудрено прогулять такую огромную сумму. Егоровна очень старалась помочь Ольге. Квартиру нашла её двухкомнатную, на третьем этаже, рядом остановка и детский сад.

– Как получишь деньги – сразу же покупай!

– Может лучше трёхкомнатную?

– Не осилишь, из твоего миллиона 35% как налог государство заберёт. Да и родня твоя не позволит столько много денег на себя тратить. Ты, лучше документы приготовь, ИНН возьми из налоговой, паспорт.

Тяжело было молчать. Не раз порывалась Ольга рассказать родным о своём выигрыше. То Санька сердито оттолкнёт Мишку, назовёт нехорошим словом. Хотелось тут же похвалиться будущей квартирой, где они, где и им, ни кто не будет мешать. То мать сетовала, что никогда

в жизни не ела она копчёной курицы, а ведь, наверно, вкусно. От жалости тоже порывалась рассказать Ольга о своём выигрыше. Но, вывел её из терпения отец.

– Где Ванька? Чего не заходит? – вспоминал о недавнем зяте. – Хороший парень, чего убежала? Кабы сам выгнал, а то сама ушла.

Отец жалел Ваньку: тот раньше с получки всегда приходил к тестю, приносил водку, гуляли втроём, вчетвером. Хорошо гуляли, нравилось это Вовке, чувствовал он в совместной пьянке уважение зятя и всей молодёжи. Тут же примыкал какой то Сергей, какой то Петька, бывший заключённый, и полупьяная Нюрка прятала топоры и ножи.

– Я и так скоро от вас уйду, – не выдержала Ольга. И вроде тихо сказала, спать уже укладывались, Мишку на ночь переодевала, а затихли все, прислушались. Валька нырнула под одеяло, мать, отец и брат головы к ней повернули, ждали ответа. То ли она жениха себе нашла, то ли квартиру подыскала? А может всё же вернётся к Ваньке? То ли ругать её, то ли радоваться. Напряжённо ждали, требовали ответа.

– Говори! – повысил голос отец, – куда это ты уйдёшь от нас?

– Я деньги выиграла, – призналась Ольга, – много денег скоро получу, миллион или чуть меньше, квартиру куплю, двухкомнатную.

– Чё ты мелешь? – недоверчиво протянули её родные. Валька выглянула из-под одеяла.

– Так это тот билет! – первой догадалась Нюрка. – Ну и правильно, я так и знала. Я тебе сразу сказала, чтоб ты его ни кому не продавала, самим пригодится.

– А чё его продавать? – поспешил согласиться и Вовка.

– Раз уж к нам попал, то зачем его отдавать другим? – нашёл что сказать и Санька.

Они словно забыли, как ругали Ольгу из-за билета, советовали быстрее от него избавиться. Её родные старались определить будущие деньги, как общие: не одной Ольге, а всем им повезло. У Вальки заблестели глазёнки, залюбопытничали: чем то родные её довольны, о деньгах, о прибыли идёт речь. Вальке бы мороженого поесть, шоколадного с изюмом, вкусное очень. Мишка испуганно прижался к матери. Дед с бабкой вроде довольны, но снова дружно вместе с дядькой выступают против неё. Вроде и радуются и ругают. Первой опомнилась Нюрка.

– Где билет? – заподозрила она, – мы тут, как дураки, радуемся, а билета и нет.

– И правда! – всполошились вслед за ней отец с братом. – Где билет? Куда ты его дела?

– Отправила на проверку, всегда проверяют, если выигрыш крупный.

Сомнения не развеялись, но хотелось верить, очень хотелось.

– Поживём – увидим, – решила Нюрка, – а не жили богато и не стоит начинать.

Мужики в знак недоверия махнули рукой, легли спать.

Внешне не поверили, а про себя ликовали, мечтали. Санька ласково смотрел на бутылки водки, примеривался к дорогим винам. Присмотрел себе норковую шапку, дорогие брюки, ботинки и курточку. Вовка тоже задерживался у полок с выпивкой, не осознанно чмокал губами, тяжело вздыхал, сердясь на задержку денег. Нюрка смотрела и водку, приглядывала и вкусную закуску, присмотрела цветной телевизор. Купить надо, не всё же богатым его смотреть, они теперь тоже богатые. Постепенно походка у Нюрки становилась не торопливая, важная, взгляд приобрёл ту снисходительную важность, которую она заметила за богатыми людьми, за своей заведующей. Серый старый плащ, стоптанные сапоги, вытертый шарф, платье, кофты, даже перчатки и носки, – всё вдруг стало ей неудобно носить. А раньше она и не замечала, какие вещи у неё старые и дешёвые. Прежняя жизнь воспринималась Нюркой, как наказание, испытание судьбой её, а будущее богатство, как награда. А разве не за что? Они хорошие люди, никогда и ни кого зря не обидели, зла ни кому не пожелали. Жили трудно, бедно. Дочку с ребёнком обратно в семью приняли, когда она ушла от мужа. И на алименты не подали, сколь чё даст Егоровна, то и ладно. Живут они бедно, а и кому же помогать, как не бедным. И хотели они получить эти деньги, ой как хотели! И дня не проходило, чтоб Нюрка мысленно не вздыхала, не просила у судьбы помощи. Вот и дождалась! Это, желая помочь ей,

Нюрке, господь бог оставил билет у Ольги. А сказать ничего нельзя – вдруг вспугнёшь удачу. Но, если сказать нельзя, то хотя бы намекнуть. Сейчас, уверившись в своём богатстве, Нюрке интересно стало пройтись по соседям, попросить в долг десяточку. Попросить понарошку – дадут или нет. Ведь сами то гораздо больше станут просить. А если наперёд сами пожалеют, то может стыдно потом будет?

Тротуары почти освободились от снега, а кое где даже просохли, хоть в туфельках по ним шагай. У штaketника, у корней старой берёзы тянутся вверх тонкие зелёных травинки. На дорогах сплошная грязь, окаймлённая неровной полоской снега с обочин. У стариков Паши и Маши медленно убывает груда расколотых дров. Стаскивают пенсионеры дрова в сарайку. Подошла к ним Нюрка, руки по швам, смиренно поздоровалась, десять рублей в долг попросила.

– Даже на хлеб денег нет, на той неделе будет получка, тогда вам сразу отдам.

Старики молчат, словно не слышат. Отдать то отдаст Нюрка, за ней не пропадёт, да заходить в дом не охота, деньги вытаскивать.

– Хлеб в долг дают, – нашёл выход старик, – наш хлебопёк в тетрадошку всё записывает.

Грустно стало Нюрке, не понравилась своя игра – и впрямь приняли её за попрошайку. У предпринимателя она и так в долг берёт, верят ей.

– Да мне курочки копчёной захотелось

– Что так, или прихоти? Не поздновато? – засмеялись старики. – Ишь, чего захотела, от курочки мы бы и сами не отказались. Помоги нам дрова таскать, – предложил Паша, – я тебе десятку и так дам. А то мы со старухой изробились совсем не можем, болезни одолели.

– А я, думаешь, не изробилась, здоровая? – обиделась Нюрка. – Я вся насквозь больная, спину ломит, руки тянет, давление всё время скачет. Ладно, хоть дети помогают, а то хоть ложись и помирай.

– Вместе живёте – так и хорошо, – не подумавши, поддержала Маша, – а наши в Москву уехали, обои.

Нюрке то го и надо было, быстрее перевести разговор на другое, подальше от своей просьбы.

– Сами же послали. Вот и выучились – мати с отцом не нужны стали. Сами учёные, в квартирах нежатся, а про мать с отцом и не вспомнят!

Не слушая доводов стариков, Нюрка повернулась обратно, громко крича на всю улицу.

– Вот, ведь, старики плачут, совсем занемогли. Меня нанимали за десять рублей дрова таскать. А у меня самой работы дома много!

Её выслушала соседка, пышнотелая молодуха Галя, посочувствовала и послала своих сорванцов, Сашу и Маринку зарабатывать на мороженое.

– Это дело, – одобрила Нюрка, – пусть с малолетства к труду приучаются, а то меня заставляют – смех прямо.

Большие деньги

Деньги наконец то пришли, 650тысяч!

– Егоровна, – вновь попросила Ольга, – помоги, боюсь я.

Егоровна отпросилась с работы, пришла с большой сумкой.

– Чего испугалась, бери с собой 200тысяч, сейчас купчую оформим. А остальные деньги на книжку положи, потом разберёшься.

Санька тоже подскочил, тёрся рядом, вроде охраны. До нотариуса дошли, а продавцы там, уже денежки ждут, документики приготовили, ключиком трясут. Как в тумане Ольга бумаги подписала, где услужливо ей галочкой отметили. Не верилось Ольге, что квартиру купила, что квартира её. Двери открыла и стоит на пороге, смотрит. Коридорчик узенький, слева дверь на кухню, прямо и право двери в комнаты. Санька вперёд рванулся, Егоровна его за рукав ухватила.

– погоди ты, не торопись, сначала вот его пропусти, на счастье.

Она расстегнула сумку и вытащила маленького, беленького, пушистого котёнка. Осторожно пошёл котёнок на слабых ножках, жалобно замыкал.

– Привыкнет, – обнадёжила Егоровна, – а ты примечай: где он ляжет – там кровать поставишь, значит место хорошее.

На кухне от прежних жильцов жёлтая занавеска на окне осталась, бумажный абажур свисал над столом, пара стульев примостилась в углу.

– Оставили, не взяли! – обрадовалась Ольга.

– Всё самодельное, – Санька небрежно пнул ногой стул.

– Ванна, унитаз! – продолжала восхищаться Ольга.

– Первобытная, – снова усмехнулся Санька, – благоустроенная квартира, так, конечно, всё должно быть. Ты, что её раньше не смотрела?

– Смотрела, но тогда квартира была не моя, а какие окна широкие?

– Зимой будет холодно.

– В комнате люстру оставили!

– Стеклянная, снять не могли. Я пожалуй, себе такую и не куплю.

– Спасибо вам, – благодарила Егоровну Ольга, – а я всё сомневалась.

– Тебе и так должны были дать квартиру, как матери-одиночке, – вдруг рассердился Санька. – А сейчас не дадут, зря только деньги выкинула. Это мне, вот, квартиру не дадут, мне бы и покупать.

– И купи, кто тебе мешает, там ещё хватит, – разрешила Ольга.

– И куплю, может быть, – смягчился Санька, – но сначала эту надо обмыть, чтоб жилось хорошо. Пока сберкасса не закрыта, снимай деньги обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.